

Е. М. Лупанова

**ПЕРЕПЛЕТНЫЙ МАСТЕР
ФРИДРИХ РОЗЕНБЕРГ И ПРИБОРОСТРОЕНИЕ
В АКАДЕМИИ НАУК XVIII в.**

Исследования, посвященные истории приборостроения, неразрывно связаны с именами изобретателей и мастеров. Люди, сделавшие важные открытия или достигшие значительной степени совершенства в изготовлении научных инструментов, не однажды привлекали к себе пристальное внимание исследователей. Память о них хранят инструменты с автографами мастеров в музейных и частных коллекциях, ряд публикаций.

При этом следует помнить, что лишь немногие мастера работали в одиночку. Ученики, подмастерья, специализировавшиеся на различных специфических операциях (шлифовка, изготовление винтов, металлических дисков и др.) были важными участниками производства и незаменимыми помощниками. Но заслуги мастеров затмевают их скромную работу, и, как правило, их имена давно забыты, а имеющиеся материалы предоставляют очень мало возможностей для изучения их деятельности.

В данной статье речь пойдет о вкладе в развитие отечественного приборостроения одного из таких людей — Фридриха Розенберга.

Фридрих Розенберг был переплетным мастером в Петербургской академии наук. Известно, что он был уроженцем города Штеттин (Пруссия). Первое документальное свидетельство о его службе в Петербурге — упоминание в качестве подмастерья в «Ведомости о обретающихся

при Академии иноземцах советниках, профессорах и о протчих служителях, кто какой нации и где родился» 14 октября 1741 г.¹

В мае 1742 г. Ф. Розенберг возглавил академическую Переплетную палату² и оставался на этой должности не менее 28 лет. Этому назначению предшествовала отставка. 12 марта того же года «...Академия наук, за неподтверждением своего штата» объявила о том, что «так многих художников и излишних служителей содержать никоим образом не в состоянии, к тому ж от сего впредь не токмо в большие долги, но и в крайнее изнеможение притти может»³. Среди двенадцати отставленных был и Ф. Розенберг, которому было суждено оставаться без должности при Академии всего два месяца. Высокий профессионализм мастера был по достоинству оценен. В краткой академической характеристике Розенберга сообщалось, что он «разумет два мастерства, а именно: переплетать и футляры делать — и учеников учит обоим»⁴.

Переплетное ремесло требовало от мастера ряда отработанных умений. Процедура начиналась с выравнивания краев типографских листов, предварительно опрыснутых водой и зажатых в тисках; далее книгу делили на «тетради» и «удели» (тетрадь = 4 листа; удель = 15 тетрадей), проколачивали, проверяли порядок листов, прошивали на специальном станке, проклеивали корешок, снова выравнивали и обрезают края. Далее начинался процесс изготовления самого переплета: приготавливали доски, из черных и белых ниток плели обшивку (при невозможности это сделать использовали ситец); затем мочили и выжимали кожу, раскладывали ее на верстаке, выравнивали, выкраивали по размеру, шлифовали края острым ножом на мраморном камне, мазали крахмалом, натягивали на книгу и выравнивали специальной «гладилкой»; далее загибали канты, срезали и загибали углы; книгу сушили в теплом месте и грунтовали жидким крахмалом. Чтобы добиться красивой глянцевои поверхности, переплет покрывали поташом, разведенным в горячей воде, грунтовали жидким крахмалом, затем — взбитым яичным белком и снова сушили. Разогретыми на горячих углях дорожниками на переплетах наносили линии в нескольких миллиметрах от краев («дорожничали»); накатками и штенделями наносили орна-

---

¹ Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1887. Т. IV. С. 740. № 920.

² Материалы для истории... СПб., 1889. Т. V. С. 140–141. № 161.

³ Там же. С. 66–67. № 76.

⁴ Хотеев П. И. Пять очерков из ранней истории Академической Библиотеки // Петербургская библиотечная школа. 2014. № 2. С. 7.

менты⁵. Существовали различные тонкости и секреты мастерства, у каждого переплетчика они были свои. С переходом к массовым тиражам описанная ручная технология ушла в прошлое, книги стали просто вставлять в заранее изготовленные переплеты, создававшиеся несколькими мастерами при помощи специального оборудования⁶.

Большая часть времени работы Ф. Розенберга совпала с периодом правления Елизаветы Петровны. Императрица любила роскошь и регулярно обращалась в Переплетную палату с требованием немедленно изготовить богатый изысканный переплет того или иного издания. Например, в ноябре 1750 г. к очередной годовщине восшествия Елизаветы на престол на сцене нового придворного театра была намечена постановка оперы Ф. Арайи «Беллерофонт» на текст Дж. Бонекки. Зрителям, по традициям того времени, полагалось иметь на руках либретто. Всего за две недели до спектакля в Академию наук поступило распоряжение: отпечатать и переплести либретто «Беллерофонта». Ф. Розенберг в считанные дни изготовил переплеты к 450 экземплярам либретто, причем эти книжки должны были выглядеть по-разному, а именно: «две в зеленом бархате, по краям позумент золотой, обрез бумаги с золотом, да четыре в голубом бархате, по краям позумент узкий, обрез бумаги с золотом, девяносто в атласе голубом, обрез бумаги с золотом же, а остальные в золотой бумаге с простым обрезом»⁷. Заказы на срочное выполнение сложных переплетных работ поступали постоянно, но каждый раз мастер успешно справлялся с ними. Добился успехов и его ученик — Е. Мокеев, рекомендованный в 1750 г. на должность подмастерья со следующей характеристикой: «Он переплетает так хорошо, как лучший французский переплетчик»⁸. Такое сравнение было высшей похвалой, поскольку искусство французских мастеров переплетного дела служило образцом для всей Европы. Ф. Розенберг работал в то время, когда переплетное искусство достигло своей вершины, постепенно увеличивалось количество издаваемых книг. В течение нескольких десятилетий

---

⁵ *Евлампиев Г. Е.* Руководственные заметки московского знатока и любителя переплетного искусства // Симони П. Опыт сборника сведений по истории и технике переплетного искусства на Руси, преимущественно в допетровское время, с XI по XVIII столетие включительно. Тексты. Материалы. Снимки. СПб., 1903. 213–220; *Лермантов В. В.* Переплетное мастерство // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1898. Т. XXIII. С. 248, 253.

⁶ *Анисимов В. И.* Книжный переплет. Краткий конспект по истории и технике переплетного дела. Пг., 1921. С. 61.

⁷ *Хотеев П. И.* Пять очерков... С. 8.

⁸ Там же. С. 7.

в связи с вводом поточного метода производства изготовление подлинных шедевров свелось к ремеслу изготовления практичных и скромных переплетов. Ф. Розенберг принадлежал к уходившему поколению авторов высокохудожественных работ.

Кроме того, к Ф. Розенбергу обращались ученые и мастера Инструментальной палаты Академии наук с заказами на оклейку тубусов зрительных труб. Эта работа не входила в обязанности переплетного мастера⁹, о ней не упоминается в контракте, однако обнаруживаются документальные свидетельства того, что Ф. Розенберг ее выполнял.

Документы сообщают, что в 1745 г. Переплетная палата была упразднена, но Ф. Розенберг оставлен «под протекцию Академии». Ввиду того что мастер «в своем художестве гораздо перед прочими искусство имеет и переплетал не точию в богатых переплетах, но футляры клеивал и разными красками по приличности прикрывал и в переплетах с великим усердием трудился, — того ради на Академию и в книжную лавку касающиеся переплеты отдать ему, за которые платить настоящею ценою, без задержания, по резолюциям Канцелярии»¹⁰. Кроме того, мастер получил квартиру на Васильевском острове — «три покоя на Головкином дворе»¹¹. Одно из помещений предназначалось для мастерской, кроме того, в сенях и чулане под лестницей здесь же хранились материалы¹². Ф. Розенберг жил в квартире один, без семьи. Предоставленные переплетчику жилищные условия стали предметом возмущения М. В. Ломоносова, написавшего, что тот «имеет столько простору, что можно бы уместить хорошего профессора, который терпит нужду, переезжая по наемным дорогим квартирам»¹³. Несмотря на это негодование, нужно сказать, что М. В. Ломоносов высоко ценил опыт и искусство Ф. Розенберга. Не случайно именно его он приглашал в качестве помощника при изготовлении уникальных оптических приборов.

Важно для великого ученого было и основное направление работы мастера — переплетное дело. Исследование книжного оформления при-

---

⁹ Материалы для истории... СПб., 1895. Т. VIII. С. 279–280. № 350.

¹⁰ Там же. С. 251–254. № 312.

¹¹ Там же. С. 251–254.

¹² *Камер М. Рапорт в Академию наук. Январь 1743 г. № 478 // Материалы для истории... Т. V. С. 513.*

¹³ Представление президенту Академии наук о неправильных действиях Г. Ф. Миллера и И. И. Тауберта. Январь. 1761 г. // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; СПб., 2012. Т. 10: Служебные документы. С. 195.

жизненных изданий показывает, что академик был тонким ценителем и уделял большое внимание внешней привлекательности публиковавшихся трудов. М. В. Ломоносов живо интересовался вопросами оформительского искусства и внимательно следил за всеми этапами издательской и типографской работы. Не раз он обращался к Ф. Розенбергу. Вскоре после смерти ученого мастер переплетного дела составил список всех работ, выполненных по заказам М. В. Ломоносова, начиная с 1750 г.¹⁴ При знакомстве с этим документом обращает на себя внимание разнообразие переплетов, заказанных М. В. Ломоносовым для собственных трудов. Здесь были роскошные дорогие переплеты «в красной тафте», «в золотом глазете, по обрезу с золотом», «в мраморном переплете по красному обрезу», «во французском переплете»¹⁵. Такие книги предназначались для подарков императрице, влиятельным особам, а также для хранения в учреждениях (как, например, «Привилегии гимназии в серебряном глазете золотом шиты и переключены французскою красною тафтою» или «Регламент для Гимназии в красной тафте по обрезу в золотом»). Выполнялись для М. В. Ломоносова и более простые, дешевые переплеты «в золотой бумаге», «в турецкой бумаге», «в золотой бумаге по обрезу с золотом». Большая же часть тиража просто сшивалась¹⁶. Например, в сентябре 1750 г. Ф. Розенберг по заказу М. В. Ломоносова переплел тираж «Оды <...> Елизавете Петровне» следующим образом: один экземпляр «в золотом глазете, по обрезу с золотом, оклеенный в золотую бумагу» стоимостью 40 коп. (предположительно, для самой императрицы), два экземпляра — «в красной тафте», также по 40 коп., 20 — «в золотой бумаге по обрезу с золотом» по 14 коп., остальные 177 экземпляров были просто шиты. Общая сумма переплетных работ составила значительную сумму — 7 руб. 54 коп. Книги и некоторые рукописи для собственной библиотеки М. В. Ломоносов также хотел иметь в красивом переплете — упомянуты переплеты «в тафте, по обрезу золотом подклеена», «французские переплеты», а также про-

¹⁴ Розенберг Ф. Рапорт в Канцелярию Академии наук. 18 апреля 1765 г. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 289. Л. 54–56 об.; То же // Ламанский В. И. Ломоносов и Петербургская академия наук. Материалы к столетней памяти Ломоносова. М., 1865. С. 148–153; То же // Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.; Л., 1961. С. 445–451.

¹⁵ Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 173, 275, 301, 314, 375.

¹⁶ Копанев Н. А. Книжное оформление прижизненных изданий произведений М. В. Ломоносова (Ломоносов как книжный оформитель) // Ломоносов и книга. Сборник научных трудов. Л., 1986. С. 58–59.

сто «в турецкой бумаге»¹⁷. В апреле 1759 г. ученый заказал Ф. Розенбергу переплет «в красной тафте» генеральной карты Российской империи 1745 г. издания.

В 1746 г. Переплетная палата была восстановлена, ее существование закреплено регламентом Академии наук 1747 г., в тексте которого отмечалось: «...польза от сего искусства не только для Академии, но и для всех мест государственных, откуда ученики для обучения присылаемы будут»¹⁸. С того же 1747 г. Ф. Розенбергу пришлось начать большую работу по проверке состояния переплетов книг из Библиотеки Академии наук после пожара 5 декабря и приведению в порядок подлежащих ремонту. Как известно, во время пожара пострадали многие экспонаты Кунсткамеры, в том числе и Большой Готторпский глобус. Ф. Розенберг принял также участие в работах по воссозданию глобуса. Эти работы прекращались с наступлением холодов, и часть работы переплетчика в подготовке глобуса к зиме заключалась в том, чтобы накрывать его «белой макулатурной бумагой»¹⁹.

Остановимся подробно на выполненных переплетным мастером заказах, касавшихся изготовления научных приборов и инструментов. В 1754 г. Ф. Розенберг обратился в Канцелярию Академии наук с требованием купить пергамен, необходимый ему для оклейки зрительной трубы²⁰.

В сентябре 1759 г. Ф. Розенберг изготовил для М. В. Ломоносова «модель, из бумаги зделана наподобие Вавилонской башни» стоимостью 30 коп. и предназначенную, видимо, для физических опытов.

В октябре 1760 г. он изготовил французский переплет для «Гейникова перспективного зеркала».

В октябре 1762 г. Ф. Розенберг вместе с неназванным в документах по имени учеником помогал М. В. Ломоносову в работе над однозеркальным телескопом в домашней мастерской ученого на набережной реки Мойки²¹. Это был уникальный проект. М. В. Ломоносов предложил

¹⁷ Розенберг Ф. Рапорт в Канцелярию Академии наук. 18 апреля 1765 г. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 289. Л. 54–56 об.

¹⁸ Регламент и штаты Академии наук и художеств. 24 июля 1747 г. // История Академии наук СССР. Т. 1: 1724–1803. М.; Л., 1958. С. 448.

¹⁹ Летопись Кунсткамеры. 1714–1836 / Авт.-сост. М. Ф. Хартанович, М. В. Хартанович; отв. ред. Н. П. Копанева, Ю. К. Чистов. СПб., 2014. С. 262.

²⁰ Журналы Канцелярии Академии наук. 1754 г. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 523. Л. 93.

²¹ Ченакал В. Л., Андреева Н. А., Павлова Г. Е., Соколова Н. В. Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 381.

конструкцию телескопа, в котором оптическая ось главного параболического вогнутого зеркала наклонена к падающему пучку лучей, благодаря чему лучи собираются в фокусе вне падающего пучка лучей, что позволяло полностью избавиться от экранирования падающего на зеркало пучка вторичным зеркалом и получить хорошее увеличение. Кроме того, положение головы наблюдателя было значительно более удобным, что создавало благоприятные условия для долговременных наблюдений. Так как работа М. В. Ломоносова о новой конструкции рефлектора не была опубликована²², изобретение осталось неизвестным за пределами Петербурга, и такой телескоп спустя некоторое время получил известность в Европе как телескоп В. Гершеля. На 12 лет позже русского ученого-энциклопедиста английский астроном В. Гершель пришел к той же мысли, что и М. В. Ломоносов, и построил отражательный телескоп невиданных доселе размеров. С помощью своего изобретения он открыл планету Уран, рассмотрел детали ранее известных планет, увидел спутники Сатурна²³.

Следующий заказ, не связанный с переплетным делом, выполненный Ф. Розенбергом для М. В. Ломоносова, датирован январем-февралем 1763 г. и связан с завершением работ по изготовлению термометров: «термометр покрыт золотым глазетом, 2 [термометра] тож красным покрыты и подложены зеленым бархатом, тож покрыт красным сафьяном и вызолочен».

В 1764 г. Ф. Розенберг просил о покупке двух кусков верблюжьей кожи для оклейки зрительной трубы работы Р. Пачекко²⁴, испанского механика, крупного специалиста по изготовлению оптических инструментов, рекомендованного Л. Эйлером и на тот момент работавшего в Петербургской академии наук. Это сотрудничество длилось недолго, всего несколько месяцев²⁵, но и в этот короткий срок переплетный мастер успел оказаться нужным в процессе изготовления оптических инструментов.

---

²² Рукопись не сохранилась, до наших дней дошел только ее фрагмент. См.: Отрывок с расчетом однозеркального телескопа // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 4: Труды по физике, астрономии, теории корабля и приборостроению. М.; СПб., 2011. С. 317–319, 390–391.

²³ Пономарев Д. Н. К истории создания телескопа М. В. Ломоносова // Историко-астрономические исследования. М., 1980. Вып. XV. С. 143–155.

²⁴ Журналы Канцелярии Академии наук. 1764 г. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 534. Л. 84.

²⁵ Бренева И. В. История Инструментальной палаты Петербургской академии наук (1724–1766). СПб., 1999. С. 162.

В том же 1764 г. Ф. Розенберг участвовал в изготовлении трех ночезрительных труб — еще одного знаменитого изобретения М. В. Ломоносова. Конструкция была разработана ученым в 1756 г., и за возможность реализации идеи он боролся в течение нескольких лет, отстаивая ее перед академиками, считавшими проект неосуществимым. Три ночезрительные трубы были изготовлены в январе-феврале 1765 г. для Адмиралтейской коллегии Н. Г. Чижовым и И. И. Беляевым. За их оклейку черной кожей мастер Ф. Розенберг просил выдать ему 5 руб. 50 коп.²⁶

На экспозиции «Первая астрономическая обсерватория Академии наук» МАЭ РАН хранится зрительная труба (МЛ-00444). На основе рапорта Ф. Розенберга о заказах, выполненных для М. В. Ломоносова, в течение долгого времени говорилось о том, что эта труба сделана И. И. Беляевым и Ф. Розенбергом по заказу М. В. Ломоносова. При этом труба соотносилась с работами 1762 г. Сначала это было предположение, с течением времени его стали повторять все более уверенно и, наконец, преподносить как информацию, едва ли подлежащую сомнению. При этом имя Ф. Розенберга ушло в тень, и его стали опускать в публикациях, но оно прочно вошло в музейно-хранительскую документацию. Однако в рапорте Ф. Розенберга сказано лишь о том, что в октябре 1762 г. он «помогал делать большую зрительную трубу» и, по всей вероятности, речь шла о трубе описанной выше авторской конструкции. На самой трубе никаких надписей и автографов, позволяющих определить мастера-изготовителя, нет. Известно, что в октябре 1762 г. М. В. Ломоносов работал над реализацией своего проекта по изготовлению однозеркального телескопа в своей домашней мастерской на набережной реки Мойки²⁷. И. И. Беляев, занятый выполнением заказа для императорских покоев и ремонтом академических барометров и термометров, не принимал участия в реализации этого проекта²⁸. Находящуюся сейчас на экспозиции зрительную трубу нельзя считать тем самым телескопом, так как это зрительная труба с конструкцией, не предполагающей наличия зеркал. Однозеркальный телескоп М. В. Ломоносова имел микрометр, «наводную трубку» (трубку-гид) и сложный, снабженный поворотным механизмом с зубчатыми колесами и разделенными на

²⁶ Ченакал В. Л. Русские приборостроители первой половины XVIII в. Л., 1953. С. 190–191; Он же. Иван Иванович Беляев — русский оптик XVIII в. 1710–1788 гг. Л., 1976. С. 67.

²⁷ Ченакал В. Л., Андреева Н. А. и др. Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова... С. 381.

²⁸ Ченакал В. Л. Иван Иванович Беляев — русский оптик XVIII века... С. 63–64.

градусы дугами штатив²⁹, на трубе же нет ни их, ни мест возможного крепления со следами утраты деталей. Скорее стоит соотносить ее с упоминаемой в каталогах Кунсткамеры XVIII в. зрительной трубой со следующим описанием: «бумажная, зеленою краскою покрытая из 13 колен в 17 футов с пальмовою по концам оправою»³⁰. Еще одним аргументом против соотношения имеющейся зрительной трубы со сделанной по заказу М. В. Ломоносова является тот факт, что инструменты, принадлежавшие ученому лично, не передавались в Академию наук и Кунсткамеру³¹. Зрительная труба была сделана в промежутке между 1741 и 1768 г. Ее нет в каталоге “*Musei Imperialis Petropolitani, vol. 2*”, но она появляется в каталогах 1768 г. и позже. В этот период изготовлением оптических инструментов в Петербургской академии наук занимался И. И. Беляев. Вероятно, имеющаяся сейчас зрительная труба была изготовлена им действительно для оснащения академической Обсерватории в здании Кунсткамеры, так как другие мастера не специализировались на создании оптических приборов. Возможно, изготовление тубуса было заказано в Переpletной палате Ф. Розенбергу. Нет достаточных оснований и для того, чтобы ставить под сомнение атрибуцию материалов в музейной документации — в паспорте советского времени говорится о том, что тубус сделан из переплетной бумаги. Однако соотношение данной зрительной трубы с уникальным проектом великого ученого представляется неубедительным.

Инструментальные палаты Петербургской академии наук, обеспечивавшие научными приборами российских ученых и учащихся, эпизодически обращались к Ф. Розенбергу с различными заказами на выполнение технических работ. Как показывают собранные материалы, не всегда это касалось прямых обязанностей мастера. Ф. Розенберг оказывается причастным к изготовлению термометров и зрительных

---

²⁹ Ченакал В. Л. Зеркальные телескопы Ломоносова // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1951. Вып. III. С. 99–100.

³⁰ Котельников С. К., Бакмейстер И. Каталог находящимся при Императорской Кунсткамере всяким математическим, физическим и другим инструментам и моделям. 1768 г. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2219. Л. 17 об.; Опись математическим, физическим и хирургическим инструментам, также моделям различного рода в круглом отделении третьего этажа Кунсткамеры находившимся, из коих некоторые принадлежали императору Петру Великому. б.д. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2249. Л. 6; Каталог. Б.д. // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2250. Л. 8.

³¹ Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975.

труб, в том числе и к реализации уникальных проектов середины XVIII в.

Скромный вклад Ф. Розенберга в развитие инструментального дела вместе с работой многих других людей, имена которых сейчас неизвестны, играл определенную роль в развитии русской науки.